* * *

Что тебе вспомнится в день, когда высохший лист
С ветром отправится сквозь деревянные пальцы?
Как ни старался, а вещие сны не сбылись.
В дом возвращался — и снова тянуло скитаться.

Чья в тебе кровь, раз покоя нигде не достать,
Манит какая же неодолимая сила?
Переночуешь, а дальше — косая верста,
Путь для рождённого той, что всю жизнь колесила.

Где началось искажение звёздных путей
В липкую глубь межпланетного древнего мрака?
Плыл Одиссеем, Дедалом на крыльях летел
В мифологический эпос Коломна — Итака.

Пробовал вкус от распетых Граалевых слов
Первоязычия ветра, воды или камня.
Я прорастала в тебе, бездорожье вспоров
Горькой полынью, что названа будет стихами.

* * *

Набухший в тополях апрель
Струится горечью из почек.
К шершавой выцветшей коре
Луна лучом скользит на ощупь.

И влажный глянцевый асфальт
Блестит серебряным копытцем.
И я могу ещё — спасать.
И я ещё могу — молиться.

Когда прольётся через край,
Завертит в бешеном потоке,
Мне часть воды своей отдай —
Наполнить синью кровотоки.

Как у Кощея жизнь в яйце,
Так я в воде черпаю силы.
Камлай, пока Луна в Тельце
Рассветом не заголосила.

До обезвоженной стерни,
Не снятой с поля суеверно,
Ты будешь помнить эти дни,
Как водянистое инферно.

Случайной встречи избежав,
Сверну во двор тягучим шагом,
Где трубный медленный удав
Струит под ноги ночь и влагу.

* * *

Приходи ко мне в снах белым лебедем,
Если слов обронить нельзя.
Наши встречи молвой изъедены,
С языка на язык скользя.

Разве встретиться было надобно
Нам под оком восьми ветров?
Я наряд подарила свадебный
Той, с которой ты стал здоров.

Пусть утешится, хоть на привязи
Не сдержать ей тебя вовек.
И нелёгкая снова вывезет
Из осенней распутицы в снег.

А по травам пройдёшь нескошенным
Босиком до речного песка,
Обернётся вдруг лебедь коршуном,
Улетая другую искать.

Только пёрышко и останется,
От лихого слетит крыла.
Воротись же домой, страдалица,
Словно с ним никогда не была.

Даже в сны не зови зловещие,
Дожидаясь весенних стай.
Что во тьме тебе померещилось,
Ты текущей воде оставь.

* * *

Дождись, когда сомкнутся тополя
Горчащей кроной,
Зеленогубо о дожде моля
Сереброзвонном.

Тенистой синью я ходила тут
Июньским зноем.
В древесную глухую высоту
Шептала: «Мой он!
Он мой, и я крылата и легка!
Я с ним — как птица!»
А ты не замечал, просил пока
Не торопиться.

Твой дом забрал зимой моё тепло
И сны о лете:
Вьюнок затянут амфорным узлом
На бересклете.

Ушла дождём в пасхальный перезвон,
А он спокоен.
И шёпотом из тополиных крон
Горчит: не твой он.

* * *

Закрой глаза. Припоминай
Другие дни, другие вещи,
Где Чак Моль — вся глубина,
Где бездной каждый день отмечен,

Где ночь вползает внутрь зрачка,
Усталым оком укрываясь.
Доверься ей, она легка,
Пока приносят жертвы майя.

Ты будешь недвижим и глух
От скачущих конкистадоров.
Разбередив чужую тьму,
Их алчность станет их позором.

Но в здешнем мире нет святых,
И мрак поглотит их распятья.
Смотри, беспомощны кресты —
Тласольтеотль срывает платье.

Непререкаем, как Тлалок,
Тебя коснётся голос дальний.
Проступит низкий потолок
Сквозь невесомость тёмной спальни.

Вся ненадёжность древних снов
Дневного страха тенью ляжет,
Где Мексика пускает кровь,
Змеёй ползти под камень влажный.

* * *

Пульсом шаманского бубна вибрирует степь,
Стелет ковыль до земли, да некому лечь.
В бешеной пляске мир так пронзительно слеп.
Клёкот и вой, и чужеземная речь.

Древней бурятской крови чувствуешь зов?
Ехор танцуют предки у первых костров.
Волчьи клыки ожерельем бьют по груди,
Воздух гудит!

Белый табун догоняет седой жеребец.
Глаз человеческих больше не нужен прищур.
Где горизонт проступает сквозь мокрый чабрец,
Синее небо таит золотую парчу.

Время густеет, вращается лунный зрачок.
Духи паучьим молчаньем ползут из глубин.
Вещее знание млечной рекой истечёт,
Горечь впитает в жёсткие стебли полынь.

Есть неразрывная связь, и наследственный дар
Будет пульсировать в жилах твоих дочерей.
Слово — и встанет, запёкшись, на ране руда.
Слово — и яда змеиного нет уже в ней.

Что тебе земли вятичей и древлян,
Если твой прадед степью владел и мог
Слышать сквозь пыль, как ветру поёт бурьян
Песни далёких юго-восточных дорог.

Сменит свирепость забвение и хандра.
Каменный город со скуки задушит траву.
Только по-прежнему чудится: возле костра
Я в хороводе с предками ввысь плыву.